

ОТЗЫВ

о диссертации Петра Михайловича Аркадьева «Ареальная типология префиксального перфектива (на материале языков Европы и Кавказа), представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.20 (сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание)

Диссертационная работа П.М. Аркадьева принадлежит к новой научной парадигме типологических исследований, ориентированных не только на дескриптивную деятельность и выявление сходств и различий между многими отдельными языками и группами языков, но и на поиск объяснения выявленных языковых фактов. Это работа органично сочетает описательный и объяснительный подход к изучению категории аспекта, выражающей разнообразными языковыми средствами «точку зрения говорящего на развёртывание ситуации во времени» (с. 28). Префиксальные перфективы в диссертации исследуются на материале большого массива языков: помимо славянских и балтийских языков, это немецкий, венгерский, осетинский языки, идиш, а также картвельские языки: грузинский, сванский, мегрельский и лазский.

Сходный для данных языков механизм префиксальной деривации, связанный в той или иной степени с перфективацией глаголов, дал возможность автору исследования описать столь различные по многим параметрам языки с помощью единой системы понятий, провести типологические параллели между системами префиксальных глаголов разных языковых семей и ареалов. Такие параллели в центральных главах диссертации (после определения системы теоретических положений и терминов в 1-й главе) устанавливаются на разных уровнях: на уровне 1) префиксов-превербов и их характеристик (во 2-й и 3-й главах); 2) функционально-семантических характеристик глаголов с превербами (в 4-й главе) и 3) в целом глагольных систем с описанными формантами и глаголами (5-я глава). В последующих главах полученные данные анализируются с применением методов количественной и ареальной лингвистики (6-я глава), с привлечением данных истории рассматриваемых языков и сходных явлений в языках других географических ареалов (7-я гл.). Изучен генезис синхронного распределения лингвистических признаков с учетом соотношения архаических и инновационных черт. Прослежена историческая эволюция сопоставляемых аспектуальных систем, выявлена роль в их развитии контактных, генетических и типологических факторов. Такой подход к исследованию позволил П.М. Аркадьеву сделать в Заключении обобщающие и, с моей точки зрения, обоснованные выводы о «соотношении универсально-типологического, генетически унаследованного и ареально-контактного»

(с.10) в наблюдаемом ареальном распределении систем префиксального перфектива в языках Центральной и Восточной Европы и Кавказа.

Хотела бы еще отметить в данном предварительном обзоре проблематики и структуры диссертации такую ее особенность, которая для меня, как слависта, имеет большое значение. Впервые проведенное типологическое исследование на материале пятидесяти языков (причем около двух десятков префиксальных систем рассматриваются подробно) позволяет определить место славянских языков в типологическом пространстве аспектуальных систем большого языкового ареала и показывает, что тесное взаимодействие глагольного словообразования и видообразования – это не только славянская черта. А типологическое сопоставление с другими языками, для которых характерно такое взаимодействие, позволяет глубже определить славянскую специфику в этой области.

Все сказанное как общий анализ проведенного исследования позволяет признать его **актуальность, научную новизну и значимость**, а также **обоснованность структуры диссертации**.

Теперь последовательно рассмотрим **результаты исследования** и некоторые привлечшие мое особое внимание положения диссертационной работы П.М. Аркадьева, а также дискуссионные вопросы и **замечания к диссертации** (отдельные замечания я высказываю и по ходу рассмотрения диссертации, но основные замечания сконцентрированы традиционно в конце отзыва).

Диссертанту удалось показать в центральных главах, что системы глагольных префиксов и префиксальных глаголов славянских, балтийских, картвельских языков, идиша, венгерского и осетинского языков могут быть сопоставлены на единой основе по ряду морфологических и функционально-семантических параметров, проявления которых при этом могут различаться. Это первое выносимое на защиту положение, связанное прежде всего с **центральными главами диссертации** (со 2-ой по 5-ую), где анализируются в сравниваемых языках морфологические, синтаксические и семантические свойства превербов, префиксальных глаголов и глагольных систем. **Доказанность этого положения не вызывает сомнений**.

Большой интерес вызывает выделение и описание превербов как особого класса языковых единиц, который, как представляется, шире класса русских глагольных префиксов, но уже, чем класс префиксов в неславянских языках. Системно-типологическое описание и обобщение свойств превербов имеет **большое значение для продолжения типологических исследований** в данном направлении.

В диссертации по отношению к каждому языку описывается то место в системе префиксальных морфем, которое занимают превербы. Но все же, с моей точки зрения, не

хватает обобщения, которое бы более четко с самого начала диссертации определило границы данного морфологического класса (1-ое замечание). Определение, принятое в диссертации (с. 24), представляется несколько расплывчатым:

«Превербы определяются как морфемы, удовлетворяющие двум условиям:

(1) по крайней мере в значительном классе случаев занимают префиксальную позицию по отношению к глагольному корню;

(2) способны присоединяться к глаголам, обозначающим перемещение, и специфицируют какие-либо аспекты пространственного расположения их актантов».

В диссертации имеется уточнение определения превербов как ограничителей глагольного действия, «в ходе грамматикализации приобретающих более абстрактные значения, основное из которых – терминативность, т. е. достижение ситуацией естественного предела» (с. 5). В этом определении допущена неточность с учетом терминологической системы, принятой в диссертации: это определение сужает понятие терминативности. Напомню, что, по мнению П.М. Аркадьева, «достижение ситуацией естественного предела», т.е. «актуальная предельность», «является частным случаем терминативности, поскольку терминативными в данном понимании могут быть и неопредельные предикаты (ср. делимитативные глаголы... *посидеть, поработать*)» (с. 31) (2-ое замечание). Но и в целом это дополнение (и без учета неточности) не решает вопрос об определении границ класса превербов в типологическом отношении, так как перфективирующая функция свойственна не всем рассматриваемым превербам, в частности, ее не выполняют немецкие превербы. Остается не совсем понятным, как определяются превербы в венгерском, а также немецком языках. В первом «превербы ... трудно отделить от наречий» (с. 69), а во втором «сложно провести границу между отделяемыми превербами, наречиями и предлогами» (там же). П.М. Аркадьева, отмечает, что «категория преверба в немецком языке (как и в венгерском) является гораздо более размытой, чем в славянских и балтийских» (с. 70). Но недостаточно четко выражено, чем же все-таки автор руководствуется при определении данной категории в этих и других языках. Возможно, более последовательное изучение словообразовательных функций (с различением модификационного и мутационного типа) и их грамматикализации способствовало бы уточнению определения данного класса языковых единиц? В этой связи интересно замечание диссертанта в разделе 7.1.1 о западноиранских языках, в которых аспектуальные системы устроены принципиально иначе, чем в рассматриваемом в диссертации ареале: «в частности, выражение аспекта чётко отграничено от словообразования, и с помощью префиксов может выражаться как перфективный, так и имперфективный аспект» (с. 239).

Убедительным представляется описание сходств глаголов с превербами в славянских, балтийских языках, а также в грузинском и осетинском, где превербы обладают ярко выраженной перфективирующей функцией. И вполне обоснованным предстает вывод о том, что отдельные префиксы могут стать перфективаторами «в чистом виде» (раздел 3.6.) «Чисто перфективирующие» употребления превербов отмечены, помимо славянских языков, в балтийских языках, в осетинском и в грузинском и других языках, где превербы могут влиять на предельность глагола.

Большой интерес вызывает анализ еще одного признака превербных глаголов — их способность сочетаться с продуктивными показателями имперфективации (разделы в 4.1. и 5.2.). Но при этом оценка грамматикализованности аспектуальных оппозиций, выражаемых при помощи глагольных ограничителей в сопоставляемых языках, никак не связывается с противопоставлением глаголов с превербами и вторичных имперфективов, хотя для славянских языков это важный показатель: чем регулярнее образование вторичных имперфективов от префиксальных глаголов СВ, тем о большей степени грамматичности категории вида в славянских языках можно говорить. Наиболее регулярна вторичная имперфективация, как известно, в болгарском языке. Оценка грамматикализованности аспектуальных оппозиций, выражаемых при помощи глагольных ограничителей, в диссертации П.М. Аркадзева определяется по характеру оппозиции префиксальных и непрефиксальных глаголов, в частности тому, «насколько эта оппозиция является систематической с функциональной точки зрения» (глава 5, с. 120). Таковой она оказывается, по всей видимости, в грузинском языке, где «в имперфективных контекстах (настоящее время в актуально-длительном значении и прошедшее несовершенное) глагол без преверба оказывается коррелятом всех своих превербных производных, выражающих подчас весьма разные лексические значения» (с. 137). Кроме того, учитываются также морфосинтаксические ограничения на употребление и сочетаемость глаголов с превербами, например такие, как «распределённые по видам способы образования будущего времени в севернославянских языках, тесная парадигматическая интеграция превербного аспекта и других глагольных категорий в грузинском, ... запрет на употребление перфективных глаголов в фазовых конструкциях не только в славянских языках, но и в осетинском» (с. 202).

Убедительно показано, что говорить о грамматической категории аспекта можно применительно не только к славянским языкам, но и к грузинскому и осетинскому. Тогда как «в балтийских языках, в венгерском и в идише нет или практически нет собственно грамматических, не мотивированных непосредственно семантикой признаков, которые

позволили бы чётко противопоставить терминативные (превербные) и нетерминативные предикаты как грамматические классы» (выводы 5-ой главы).

В шестой главе результаты, полученные в предшествующих главах, обобщаются на основании количественного анализа изученных параметров, что позволяет П.М. Аркадьеву **объективными методами** построить ареальную типологию префиксального перфектива. Таким образом, не вызывает никаких сомнений доказанность второго и третьего положения, выносимых на защиту, в том числе и обоснованность существования двух «прототипов» префиксальной перфективации – восточноевропейского и кавказского. Это наглядно показывают диаграммы, отражающие степень сходства и различия языков по всему множеству классификационных признаков. Убедительным представляется также вывод о независимости возникновения и развития двух реализаций префиксальной перфективации, так как два выделенных субареала префиксальной перфективации существенно различаются характерными для них наборами признаков.

В седьмой главе построена непротиворечивая картина возникновения современного ареала префиксального перфектива и определено соотношение генетических, типологических и контактных факторов его формирования. В заключительных главах на большом языковом материале, с привлечением нескольких десятков других языков, контактирующих с сопоставляемыми (цыганских, балкано-романских, ливского и др.) выполнены поставленные задачи сравнительно-исторического и историко-типологического анализа с учетом данных древних индоевропейских, картвельских и уральских языков. Проанализированы документированные случаи контактного взаимодействия рассматриваемых языков. Доказано, что в становлении систем префиксального перфектива в изучаемых языках сыграли роль универсально-типологические тенденции (превращение глагольных пространственных модификаторов в показатели предельности и перфективности), а также, но в меньшей степени, языковые контакты. Показано, что грамматикализация древних систем превербов происходила на более поздних этапах истории отдельных ветвей и групп языков.

Таким образом, на основе сказанного можно сделать вывод о том, что **все положения, выносимые на защиту, находят исчерпывающее обоснование в работе.** Диссертация П.М. Аркадьева поражает детально и системно проанализированным языковым материалом пяти десятков индоевропейских, картвельских и финно-угорских языков. Применение статистических методов способствовало упорядочению большого количества разнообразных фактов. Все это позволяет оценить работу П.М. Аркадьева как большой вклад в развитие типологической и ареальной лингвистики, сопоставительной и

типологической аспектологии, изучение глагольной префиксации в языках различного строя.

Основные мои замечания, помимо двух частных, сделанных выше, касаются представления в общей ареально-типологической картине данных славянских языков и славянского типа аспектуальных систем.

Замечание 3). «Чтобы не накладывать аргіогі славянскую систему координат на другие языки» (с. 31), П.М. Аркадьеву пришлось редуцировать анализ славянской системы и практически не анализировать важную литературу по славянской аспектологии и русскому глагольному виду. Ввиду большого объема последней, это вполне оправданно. Но самые важные, классические работы по славянской аспектологии в исследовании такого уровня, считаю, должны быть представлены. Вообще не принимаются во внимание работы А.В. Бондарко, В.В. Виноградова, Р.О. Якобсона, М.Я. Гловинской, Св. Иванчева, а также авторитетные публикации по русскому виду последних лет, в частности книга И.Б. Шатуновского. Работы Ю.С. Маслова цитируются довольно широко, но его определение категориальной семантики видов и характера видовой оппозиции во внимание не принимается. Если бы были рассмотрены воззрения на русский вид А.В. Бондарко, В.В. Виноградова, Р.О. Якобсона, то автор не сделал бы заявления о том, что использование термина «предел» и «предельность / непредельность» по отношению к семантике совершенного и несовершенного (а не «терминативность» / «нетерминативность», как в рассматриваемой диссертации) вида **«представляется для русской терминологической системы неудобным и контринтуитивным»** (с. 31). Мои собственные исследования русского вида в сопоставлении с западнославянскими и некоторыми южнославянскими языками дают мне основания не согласиться с этим утверждением диссертанта (а именно, повторюсь, с тем, что использование терминов «предельность» и «предел» для анализа грамматической семантики совершенного вида, т.е. перфективности, «для русской терминологической системы» «неудобно» и «контринтуитивно»). Об актуальности данных терминов при определении категориального значения совершенного вида свидетельствуют классические работы по русскому виду названных выше авторов. Употребление термина «предел» как временной границы действия для определения категориального значения совершенного вида в русском языке характерно для работ В.В. Виноградова, Р. Якобсона, А.В. Бондарко, И. Б. Шатуновского и др. Если поставить задачу (которую я ставила в своих сопоставительных исследованиях) определения спецификак категории вида в русском языке в сопоставлении с другими славянскими языками, а также объяснения этой специфики, то невозможно обойтись без этого термина.

Конечно, термины «предел» и «предельность», передающие специфику грамматической семантики СВ именно в русском языке, не подходят для определения перфективности в типологических исследованиях сравниваемых в диссертации языков, здесь нельзя не согласиться с П.М. Аркадьевым. Но для славянской аспектологии они очень важны, и это, как мне кажется, следовало бы учесть в диссертации.

4) Важен также вопрос о **категориальной семантике** грамматикализованных глаголов с превербами. Этот вопрос возникает при сопоставлении двух разновидностей аспектуальных систем с префиксальными перфективами, «славянской» и «кавказской», различающихся, как показал диссертант, характерными для них значениями типологических признаков. Не ставится вопрос о семантических причинах столь существенных различий между двумя выявленными системами. В славянской системе (кроме сербо-лужицких языков) действует запрет на сочетаемость перфективных глаголов с фазовыми предикатами, запрет на дуративное употребление перфективных глаголов, развита вторичная имперфективация, тогда как для «кавказской» системы характерны прямо противоположные признаки: сочетаемость перфективных глаголов с фазовыми предикатами, дуративное употребление превербных глаголов (перемещения), отсутствие вторичной имперфективации (с. 229).

В чем же специфика семантики перфективных глаголов с превербами в кавказской группе? Вопрос о семантике считаем важным для изучения грамматикализации аспектуальных параметров в типологическом отношении. Не могу согласиться с утверждением П.М. Аркадьева о том, что «запрет на употребление перфективных глаголов в фазовых конструкциях в славянских языках» «семантически слабо мотивирован» (Заключение 5-ой главы). В отечественной аспектологии представлена аргументация семантического обоснования этого запрета: именно категориальная семантика совершенного вида, не допускает пофазное представление действия, названного глаголом СВ.

5) По моему мнению, в таком солидном типологическом исследовании было бы полезно для системного осмысления выявленных сходств и различий на материале многих языков, соотнести их с особенностями префиксации глаголов в славянских языках. Эти особенности заключаются в частности в том, что префиксация может происходить 1) при неизменности лексического значения, это рассматривается как образование видо-вых пар (*строить* → *построить*); 2) с изменением лексического значения производящего глагола: а) по модификационному типу (*кричать* → *закричать*, *покричать*; *бежать* → *выбежать*, *подбежать*); б) по мутационному типу (*работать* → *разработать*, *выработать* – здесь «телисизирующая функция» префиксов, как она понимается в диссертации,

реализуется вместе с образованием номинации нового события). Именно оппозиции парных глаголов СВ и НСВ в славянских языках имеют грамматический статус, а видовые пары образуются в результате как перфективации, так и имперфективации (причем наиболее грамматикализована именно имперфективация), тогда как модификационное и мутационное глагольное словообразование находится преимущественно в области перфективации. Как мне кажется, сопоставление с системой славянской глагольной деривации позволило бы упорядочить многочисленные языковые факты других языков, прежде всего с аспектологической точки зрения. Но создается такое впечатление, что П.М. Аркадьев наложил в своих исследованиях запрет не только на использование славянской аспектуальной терминологии, но и на прямое сопоставление с целым рядом важных понятий русской и славянской аспектологии (таких как категориальное значение СВ и НСВ, видовая оппозиция, видовая пара и др.). Как я понимаю, это сделано осознанно, чтобы, с одной стороны, подчеркнуть, что русский и славянский вид — лишь один из многочисленных способов устройства грамматических аспектуальных систем (и даже между славянскими языками имеются существенные различия). А с другой стороны, чтобы показать, что при всех различиях префиксальные системы глаголов и соответственно аспектуальные системы в языках мира, в том числе и в сравниваемых языках, можно описывать с помощью единой системы понятий (отличной от системы понятий славянской аспектологии).

Но, как я думаю, более тщательное и системное описание русского и славянского вида, и с семантической точки зрения, и с точки зрения взаимодействия с глагольным словообразованием, не помешало бы выполнению поставленных диссертантом задач, а, напротив, способствовало бы их более глубокому и всестороннему решению. Но, конечно, мои замечания имеют дискуссионный и непринципиальный характер и не препятствуют высокой оценке данного диссертационного исследования. Публикации П.М. Аркадьева в полной мере раскрывают основные положения диссертации. Автореферат диссертации адекватно отражает ее содержание.

В диссертационной работе П.М. Аркадьева содержится решение научных задач, имеющих большое значение для типологического исследования языков и их аспектуальных систем, для сравнительно-исторического и ареального изучения глаголов и их категорий в индоевропейских, картвельских и уральских языках. Автор на материале пятидесяти языков разработал комплексные методы типологического изучения аспектуальных характеристик глаголов с превербами, с использованием количественных методик, сравнительно-исторического анализа и выявления контактных взаимодействий.

Диссертация «Ареальная типология префиксального перфектива (на материале языков Европы и Кавказа)», представленная на соискание ученой степени доктора филологических наук, полностью соответствует критериям, установленным пп. 9-14 Положения о порядке присуждения ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842, а её автор, Петр Михайлович Аркадьев, заслуживает присуждения искомой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание.

Доктор филологических наук
профессор кафедры русского языка
филологического факультета
МГУ им. М.В. Ломоносова

03 сентября 2019 г.

Е.В. Петрухина

Сведения об оппоненте

Петрухина Елена Васильевна, доктор филологических наук
(специальность 10.02.01 – русский язык, 10.02.03 – славянские языки),
профессор.

Эл. адрес: elena.petrukhina@gmail.com

Почтовый адрес: 119331 Москва,
ул. Марии Ульяновой, д.9, к.2, кв.65
Тел.: (499) 133-16-13

Сведения об организации

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова»

Адрес: 119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы,
д. 1, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова

Тел.: (495) 939-10-00 Факс: (495) 939-01-26

сайт: www.msu.ru

Эл. адрес: info@rector.msu.ru

Подпись заверяю